УДК 93/94 (4) «1956/1989»

М. В. Ковалев
(Москва)

ПРИПОДНИМАЯ «ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС»: САРАТОВ И ЕГО ГОРОДА-ПОБРАТИМЫ (БРИСТОЛЬ И БРАТИСЛАВА)[1]

В статье рассматриваются узловые вопросы взаимоотношений Саратова с его городами-побратимами – Бристолем и Братиславой – в 1950-1980-е гг. На примере этих контактов обрисовывается региональная специфика интеллектуальных трансферов, научной и культурной дипломатии в период Холодной войны, раскрываются формы коммуникаций, возникавшие в процессе развития контактов Саратова с зарубежными партнерами. В основу статьи легли материалы российских и иностранных архивов.

***Ключевые слова*:** СССР, Чехословакия, Великобритания, Холодная война, города-побратимы, культурные и научные связи.

M. V. Kovalev
(Moscow)

LIFTING THE IRON CURTAIN: SARATOV AND SISTER CITIES (BRISTOL AND BRATISLAVA)

The article examines the key problems of the relationship in the 1950-1980s between Saratov and its sister cities – Bristol and Bratislava. Using the example of these contacts, the author describe the regional specificity of intellectual transfers, scientific and cultural diplomacy during the Cold War, reveals the forms of communication that arose in the process of developing contacts between Saratov and its foreign partners. The article is based on materials from Russian and foreign archives.

***Keywords*:** USSR, Czechoslovakia, United Kingdom, Cold War, sister cities, cultural and scientific relations.

---

[1] Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 20-78-10053 «Советско-чехословацкие научные коммуникации в 1948–1991 гг.: трансфер идей и социальные практики ученых». Автор благодарит за неоценимую помощь в собирании материала сотрудников Государственного архива новейшей истории Саратовской области и Бристольского архива, а также главного научного сотрудника Государственного архива Саратовской области Ю. Г. Степанова.

Должно быть всякий человек, живший в Саратове, когда-либо сталкивался с примечательными местными топонимами: площадь Советско-Чехословацкой дружбы, улицы Братиславская и Топольчанская, а немалое число гостей города останавливалось в гостинице «Словакия». Однако даже не всякий коренной саратовец вспомнит, что в 1960 г. на одном из спусков к Волге, там, где ныне воздвигнут памятник К. А. Федину, была разбита клумба советско-английской дружбы. Высаженные на ней 180 тыс. цветов были выращены из семян, подаренных жителями Бристоля саратовцам. Спроектированная художником А. И. Петровым цветочная композиция представляла собой крепкое рукопожатие. Она была призвана символизировать дружбу двух стран и двух городов. Роскошная клумба просуществовала совсем недолго. Довольно быстро «отцвели» и попытки наведения побратимских мостов между Саратовом и Бристолем.

История развития дружеских связей между советскими и зарубежными городами дает немало интересных примеров того, как в годы Холодной войны выстраивались каналы связей между государствами с разными формами социально-политического и экономического устройств, как переплетались центральные и местные инициативы, как соотносились идеи дружбы и мира между народами с идеологическими противоречиями и геополитическим противостоянием и, главное, как отражались эти процессы на формировании представлений разных стран и народов друг о друге. История становления, развития и угасания связей старинного русского города на Волге с зарубежными партнерами являет собой чрезвычайно интересный исследовательский сюжет, значение которого выходит далеко за региональные рамки. Тем примечательнее, что в процесс развития контактов оказались вовлечены города с большой историей, обладающие богатым экономическим, научным и культурным потенциалом, и, что особенно важно, представлявшие два мира Холодной войны – капиталистическую Западную Европу и социалистическую Восточную.

В современной историографии все большее внимание уделяется истории культурных трансферов, научной и культурной дипломатии,

транснациональным общественным инициативам в период Холодной войны. Отводится в этой связи место и побратимским связям между городами и регионами [см.: 1; 4; 17; 21; 31; 33; 40], издаются специальные сборники архивных документов [32]. Источниковедческой особенностью практически всех современных исследований является ориентация на фонды бывших партийных архивов. Вместе с тем было бы очень важно заглянуть и по ту сторону занавеса, собрать и проанализировать материалы зарубежных архивов о побратимских связях с советскими городами и регионами.

Автору статьи удалось отчасти решить эту задачу во время исследований в Великобритании в 2016–2019 гг., когда выдалась возможность изучить архивные материалы о зарубежных связях Саратова как в фонде британского Форин Оффиса в лондонском Национальном архиве, так и среди документов бристольского городского самоуправления. Увы, карантинные ограничения 2020 г. сорвали планы на проведение поисковых работ в архивах Праги и Братиславы, а потому изучение контактов волжского города с Чехословакией проводилось пока исключительно по данным отечественных архивов. Представленная статья не ставит перед собой задачи обрисовать всю полноту побратимских связей или восстановить их четкую хронологию, но намечает магистральные линии и очерчивает узловые проблемы, которые еще предстоит разрешить в специальных тематических исследованиях.

Широкое развитие побратимских связей обычно увязывают с созданием во Франции 27 апреля 1957 г. Всемирной федерации (Fédération mondiale des villes jumelées), хотя истоки движения восходят еще к началу 1950-х гг. [39, p. 61]. Архивные документы показывают, что попытки наладить связи с Бристолем относятся к несколько более раннему периоду. В Национальном архиве Великобритании сохранилась телеграмма К. Ф. Бобылева, в ту пору – председателя исполнительного комитета Саратовского городского совета депутатов, с предложением развивать двухсторонние дружеские контакты. Она была отправлена в самом начале января 1956 г.: «Уважаемый г-н Лорд-мэр, жители Саратова, одного из крупных городов, расположенных на берегу великой русской реки Волги, как и все советские граждане проникнуты благородным

стремлением укреплять дело мира и международного сотрудничества, расширять культурные и экономические связи нашей страны с другими странами мира. С большим интересом и одобрением встретило население нашего города сообщение печати об установлении культурных связей между определенными городами Советского Союза и Англии, и такие связи, несомненно, будут способствовать еще большему укреплению уз дружбы между советским и английским народами» [48]. Представителям бристольского городского самоуправления было сделано приглашение посетить летом 1956 г. Саратов, которое было любезно принято [50]. Предложение о сотрудничестве и обсуждение визита началось еще до судьбоносного XX съезда КПСС 14–25 февраля 1956 г., и официального разоблачения «культа личности». Тем не менее, как видим, уже тогда советское руководство решилось приподнять Железный занавес, встать на путь нормализации отношений с внешним миром, в том числе посредством народной дипломатии.

Хорошо известно, как в годы Второй мировой войны произошло официальное закрепление контактов между Сталинградом и Ковентри [3; 18]. Широкое оживление связей советских городов с британскими относится к периоду Оттепели, когда были сделаны шаги по нормализации двухсторонних отношений. Например, Свердловск с мая 1955 г. начал выстраивать партнерские связи с Бирмингемом [2, с. 40]. В апреле 1956 г. Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин совершили официальный визит в Великобританию, а летом того же года страну посетила делегация Верховного совета СССР. Постепенно вошли в практику научные и культурные обмены [47, p. 548–552]. Пожалуй, ярчайшим свидетельством стали грандиозные гастроли Большого театра в 1956 г., когда блистательная лондонская публика рукоплескала Г. С. Улановой. Потому обращение саратовских городских властей в Бристоль в полной мере вписывается в общий культурный фон. Не будем забывать и о позитивном образе британского народа в советском обществе, который еще недавно был союзником в борьбе с гитлеровской Германией. Потому взаимоотношения между Саратовом и Бристолем вполне закономерны и логично вписываются в культурный контекст.

Хрущевская Оттепель породила особенные формы открытости внешнему миру, хотя и скованные бесчисленными формальностями, ограничениями и идеологическими рамками. Так, начинает постепенно развиваться международный туризм – иностранные гости стали активнее посещать СССР, а советские люди получают возможность выезжать за границу не только как командированные специалисты. В начале сентября 1957 г. Саратов посетила первая группа туристов из Чехословакии. Гостям показали главные городские достопримечательности и среди них – недавно построенную университетскую библиотеку, где их тепло приняла директор В. А. Артисевич (1907–1999) – ярчайший представитель отечественного библиотечного дела. Одна из путешественниц, Божена Ираскова (Božena Jirásková), председательница муниципального совета города Коуржим, была так тронута встречей, что пригласила новую русскую знакомую в гости [14, л. 1]. Между ними на долгие годы установятся теплые дружеские отношения [24, л. 1–2]. В мае 1958 г. В. А. Артисевич посетила Чехословакию [13, л. 2; 14, л. 2], и эта поездка послужила важнейшей отправной точкой в складывании разветвленных контактов с чешскими и словацкими коллегами. В Братиславе она познакомилась с директором библиотеки Университета Я. А. Коменского доктором Юраем Пашкой (Juraj Paška; 1915–2010), что положило начало как активным межбиблиотечным связям, так и особой привязанности В. А. Артисевич к Словакии, ее народу и культуре. Именно Вера Александровна выступила одним из инициаторов создания в мае 1960 г. Саратовского отделения Общества советско-чехословацкой дружбы. Благодаря ей и ее соратникам деятельность объединения изначально вышла за типичные для большинства обществ дружбы сугубо идеологические и пропагандистские рамки. К работе в нем В. А. Артисевич изначально старалась привлечь представителей научной и творческой интеллигенции, и направить совместные усилия в первую очередь на расширение знаний о языке, литературе, традициях и истории чехов и словаков. В деятельности Саратовского отделения невозможно найти следов диссидентства и политического инакомыслия, однако, если проанализировать сохранившиеся протоколы заседаний, отчеты о проведенных мероприятиях, то имена Бедржиха Сметаны и

Антонина Дворжака, Божены Немцовой и Карела Чапека фигурируют там чаще, чем товарищей Готвальда, Запотоцкого и Новотного. Таким образом, развитию побратимских связей между Саратовом и Братиславой изначально способствовал твердый культурный фундамент.

Все же не будем преувеличивать степень оттепельной свободы, и не будем забывать, что, невзирая на попытки разрядки, Холодная война не угасала. Ее фактор будет постоянно довлеть над побратимскими связями Саратова. Так, в намерения городских властей развивать дружеские связи с Великобританией уже в 1956 г. вмешались события международной значимости. После приезда в Саратов бристольской делегации летом 1956 г., о чем будет специально рассказано далее, встал вопрос об ответной поездке. Венгерское восстание осенью 1956 г. разом сломало эти планы. Британская сторона заявила о несогласии с советской политикой, городской совет Бристоля принял решение отложить ответный визит саратовской делегации, о чем направил в СССР телеграмму 20 декабря 1956 г. К. Ф. Бобылев в ответном послании выразил сожаление по поводу этого решения, и довольно осторожно заметил, что «городской совет Бристоля, по всей видимости, обладает односторонней и необъективной информацией о событиях в Венгрии» [49]. Тем не менее, он подтвердил заинтересованность в дальнейшем развитии двухсторонних контактов, и выразил надежду, что саратовская делегация все же посетит Бристоль в приемлемое для английской стороны время. Британская сторона вернулась к обсуждению ответного визита саратовской делегации лишь в конце марта 1959 г., когда городской секретарь Т. Урвин (T. J. Urwin) обратился за разрешительным ответом в Форин Оффис в Лондон [50]. Приезд советских гостей состоялся ровно через год после основательной подготовки, в марте 1960 г.

Данный пример наглядно демонстрирует тонкую грань между общественной активностью и инициативами, с одной стороны, и напряженным международным контекстом, с другой. Этот контекст не сходил с повестки дня вплоть до 1991 г. Если налаживание контактов с Бристолем было следствием потепления советско-британских отношений, то связи с Братиславой, постепенно

развивавшиеся с начала 1960-х гг., укладывались в стратегию по укреплению социалистического содружества. Ускорение взаимодействия наметилось в 1966–1967 гг., но его резко обрывают события Пражской весны и военной интервенции в Чехословакию. Показательно, что в 1968–1969 гг. заседания Саратовского отделения Всесоюзного общества советско-чехословацкой дружбы не проводились. В то же время по мере внедрения «доктрины Брежнева» и развития так называемой «Нормализации» в Чехословакии связи между Саратовом и Братиславой снова заметно углубились, причем явно не без решения сверху, и не без усиленного идеологического контроля. Примечательно, что в отличие от сотрудничества с Бристолем, побратимские связи распространялись не только на главный город Словакии, но на всю Западно-Словацкую область. Символическим актом закрепления сотрудничества стало переименование в мае 1970 г. одной из центральных улиц Саратова – Вольской – в улицу Братиславскую [22, с. 9]. Таким образом, политический фактор все время довлел над развитием побратимских связей. Для советских властей движение городов-побратимов стало важным и влиятельным инструментов повышения международного имиджа. В то же время местные власти не имели опыта внешнеполитической активности, были предельно скованны в принятии решений, что неизбежно порождало трудности. Они были вынуждены вписываться в сложную иерархию принятия решений.

Выстраивание контактов с партнерами, пусть даже из социалистической страны, осуществлялось при участии посредников, например, Союза советских обществ дружбы, Министерства иностранных дел, Советского комитета защиты мира, отделов ЦК КПСС. В 1957–1967 гг. при Совете министров СССР существовал специальный Комитет по культурным связям советских и зарубежных городов [21, с. 96]. Следует отметить, что система контроля контактов не была неизменной, и на протяжении 1970–1980-х гг. упрощалась, что стало особенно заметным в период Перестройки. Тем не менее, городские власти никогда не обладали правом международных инициатив, а применительно к концу 1950–началу 1960-х гг. еще и не имели опыта взаимодействия с иностранными партнерами. Сотрудничество регламентировалось сверху по определенным

типовым сценариям, а выйти за допущенные границы было крайне непросто. Отсюда порой вытекали сложности в принятии конкретных решений и реализации мероприятий. В октябре 1960 г. в Москве было получено письмо от британского социалиста Патрика Алана Слоуна (Patrick Alan Sloan; 1908–1978), который со ссылкой на районного организатора Коммунистической партии Великобритании в Западной Англии с тревогой сообщал, что после мартовского визита 1960 г. саратовской делегации в Бристоль, имевшего большой успех, никаких дальнейший действий не последовало. Стороны обсудили возможность налаживания обменов работниками различных сфер, включая школы. В Бристоле был образован комитет «Бристоль – Саратов», члены которого попросили советских партнеров высказать соображения о дальнейших обменах, но не получили не только конкретного ответа, но вообще каких-либо известей. П. Слоун был вынужден заметить: «Позвольте мне сказать, что, насколько мне известно, это весьма типичное явление. Как правило, за обменом делегациями, которые чрезвычайно полезны, следует период разочарования и утраты иллюзий со стороны англичан, т. к. с советской стороны не делается дальнейших шагов и даже письма остаются без ответа» [7, л. 111]. Заместитель председателя Государственного комитета Совета министров СССР по культурным связям с зарубежными странами И. Г. Большаков незамедлительно направил в Саратов предписание разобраться в сложившейся ситуации [7, л. 110]. Горисполком был вынужден оправдываться перед англичанами и заверять в горячем желании продолжать контакты «в целях большего взаимопонимания и сближения жителей наших городов» [7, л. 112].

Важный вопрос связан с тем, какими же были направления сотрудничества между городами и как менялись они в исторической ретроспективе, какие каналы коммуникаций формировались в этих процессах. И в случае с Бристолем, и в случае с Братиславой, помимо официально продвигаемых и довольно абстрактных деклараций об укреплении мира и дружбы, в истории побратимских связей Саратова присутствовали конкретные соприкосновения и имел место вполне искренний взаимный интерес друг к другу. Так, например, британцев интересовала деятельность саратовских профсоюзов, организация

медицинского обслуживания и охраны труда, строительство и благоустройство, научный потенциал. Советскую сторону первостепенно занимали научно-технические вопросы, особенности промышленного производства в Бристоле, например, работа табачной фабрики, опыт которой мог быть использован на аналогичном саратовском предприятии. Показательно, что когда британская делегация летом 1956 г. посетила Саратов и побывала на местном Жировом комбинате, то, к приятному удивлению и гордости ее представителей, она увидела установленные на бойлерах датчики бристольского производства [34]. Рубеж 1950–1960-х гг. вообще был отмечен усилением советско-британского научно-технического сотрудничества, которое затронуло и Саратовскую область. Так, английское оборудование было закуплено для создаваемого в городе Энгельсе завода по производству химического волокна.

Социально-экономические и технологические аспекты находили отражение и в связях с Чехословакией. Выстраивались контакты между промышленными предприятиями Саратова и Братиславы, изучался взаимный опыт, а в некоторых случаях происходило внедрение технологий. Сохранилось немало отчетов о поездках саратовских промышленных делегаций в Западно-Словацкую область и наоборот. Флагманами технического партнерства выступали Саратовский нефтеперерабатывающий завод и братиславское предприятие «Словнафт». Их сотрудничество было напрямую связано с вводом в эксплуатацию в 1960-х гг. системы магистральных нефтепроводов «Дружба». Словацких коллег интересовал разработанный в Саратове опыт бездефектной сдачи продукции [см. подробнее о нем: 23], который начал применяться на ряде предприятий в Братиславе и Западно-Словацкой области в целом [14, л. 22; 8, л. 1, 14–16].

Особой формой взаимодействия с чехословацкой стороной стали обменные студенческие стройотряды, профильные смены в летних детских лагерях, участие преподавателей в языковых курсах и школах. В истории сотрудничества с британской стороной все оказалось скромнее, и ограничилось несколькими взаимными поездками делегаций, присылкой изданий на английском языке для саратовских библиотек, а также организацией в Бристоле в июле 1965 г. выставки

детских рисунков и фотоэкспозиции о постановках пьес Уильяма Шекспира на сценах саратовских театров [37]. Даже эти небольшие примеры свидетельствуют, что взаимодействие между городами не ограничивалось показательными визитами ударников производства, официальными собраниями и митингами. Хотя научное, культурное и образовательное сотрудничество не было ведущим направлением побратимских связей Саратова, оно имело немало ярких проявлений и долгосрочных последствий. Внимание к интеллектуальным контактам обосновывается тем, что в процессы взаимодействия с зарубежными партнерами были втянуты представители саратовской интеллигенции. В случае с Бристолем это были ректор Политехнического института, профессор А. И. Андрющенко. В случае с Братиславой ими оказались видные деятели Саратовского университета – В. А. Артисевич, А. И. Озолин, А. М. Богомолов, Л. А. Назаркин, В. Н. Шевчик. Высокая успешность контактов по второму направлению во многом объяснялась активной работой этих персон, многие из которых жизненными и творческими узами были связаны с Чехословакией.

В. А. Артисевич сыграла совершенно особую роль в развитии побратимских связей. Ее кипучая деятельность отразилась в первоклассном комплектовании фондов университетской библиотеки изданиями на чешском и словацком языках, а также в их популяризации, в том числе через организацию бесплатных лингвистических курсов. Она на высоком уровне знала оба языка, что облегчало коммуникации с зарубежными партнерами и вызывало с их стороны неизменное уважение. Приведем в связи с этим показательный случай. В один из первых исследовательских визитов в Прагу, в 2007 или 2008 гг., автору этих строк выпала большая удача познакомиться с известным чешским славистом и библиотечным деятелем, директором Славянской библиотеки в 1978–1992 гг., доктором Иржи Вацеком (Jiří Vacek; 1939–2017). Он был очень обрадован приезду представителя Саратовского государственного университета, который я в ту пору представлял, и сказал мне, что Саратов для него неразрывно ассоциируется с В. А. Артисевич, которую он хорошо знал и безмерно уважал. Словно в доказательство своих слов, он показал мне потрепанную записную книжицу, в

которой рукой самой Веры Александровны были записаны ее адрес и телефон. Доктор И. Вацек подчеркнул, что мало кто из советских библиотекарей сделал так много для развития связей с Чехословакией, как она, невзирая на все политические размолвки межгосударственных отношений.

Профессор А. И. Озолин (1907–1997) считался одним из ведущих специалистов по истории средневековой Чехии. Его работы были хорошо известны чешским и словацким коллегами. В 1955 г. он был приглашен в Прагу с докладом на крупную международную конференцию по истории Гуситского движения, что еще было редкостью в те годы, тем более для нестоличного ученого-гуманитария [5]. Геолог Л. А. Назаркин (1924–2014) в годы Великой Отечественной войны участвовал в освобождении Чехословакии, был награжден за это боевыми наградами. Ректор университета, профессор-физик В. Н. Шевчик (1923–1980), вообще имел чешские корни.

Еще в конце 1950-х гг. Саратовский университет наладил связи с Университетом Я. А. Коменского в Братиславе. Причем одной из важных отправных точек в этом процессе стал визит в волжский город и посещение университета 10 ноября 1959 г. делегацией из Братиславы во главе с первым секретарем местного обкома Александром Дубчеком, будущим лидером «Пражской весны». Возглавляемая В. А. Артисевич научная библиотека стала одним из главных звеньев в этом сотрудничестве. В частности, на ее базе проводились мероприятия в честь 100-летия Словацкой Матицы, 15-летия Словацкой Академии наук, 100-летия Зденека Нееднлы [14, л. 18]. Чехословацкая тематика закреплялась в тематике университетских исследований. Так, из числа студентов и спецсеминаристов А.И. Озолина вышло два известных специалиста по истории Чешских и Словацких земель в X–XVII вв. – И. Р. Фишер (1929–2009) и А. Н. Галямичев (род. 1957) – ставшие докторами исторических наук, профессорами [6; 27]. Чехословацкая проблематика регулярно присутствовала в тематике дипломных работ студентов исторического, филологического и географического факультетов на протяжении 1960–1980-х гг. В 1961 г. в престижном пражском издательстве «Орбис» на чешском языке была опубликована книга

саратовского литературоведа А. П. Скафтымова (1890–1968) о драматургии А. П. Чехова [45]. Имя этого замечательного ученого было известно далеко за пределами СССР, в том числе и в Чехословакии. Еще в 1920-х гг. он поддерживал связи с местными учеными, и в 1929 г. в авторитетнейшем журнале «Slavia» была опубликована его статья о творчестве Ф. М. Достоевского [29; 30]. После этого – долгий перерыв в прямых международных контактах, прервавшийся уже в годы Оттепели. Факты эти приведены для того, чтобы показать известность саратовской ученой среды в Чехословакии к концу 1950 – началу 1960-х гг. Именно в это время появится возможность регулярных взаимных интеллектуальных взаимодействий. Если вернуться к тому же А. П. Скафтымову, то в 1976 г. стараниями чехословацкого литературоведа Владимира Святоня (Vladimír Svatoň; 1931–2018) был подготовлен сборник его переводных работ о нравственных исканиях русских писателей [46]. Однако не только труды саратовских ученых-гуманитариев публиковали в Чехословакии. На протяжении 1960–1980-х гг. на чешском и словацком языках появлялись исследования биолога А. Д. Фурсаева, химиков С. А. Гликмана, В. И. Кленина, физика В. Н. Шевчика и др.

В ноябре 1967 г. Саратов посетил ректор Университета Я. А. Коменского геолог, член-корреспондент Словацкой академии наук, а впоследствии ее академик, Богуслав Цамбел (Bohuslav Cambel; 1919–2006). На заседании Ученого совета Саратовского государственного университета он вручил золотые медали Я. А. Коменского ректору, профессору В. Г. Лебедеву (1911–1971) и В. А. Артисевич, серебряную медаль – профессору П. В. Голубкову (1899–1973) и бронзовую – профессору В. Б. Островскому (1924–1990). В ответ в мае 1968 г. делегация Саратовского университета посетила Братиславу [14, л. 19–20]. Выступая в передаче Всесоюзного радио 13 сентября 1971 г., В. А. Артисевич особо подчеркнула, что между Саратовом и Братиславой сложились крепкие научные связи, и что университетам обоих городов принадлежит в этом первостепенная роль [11, л. 2]. О важности развития научных и образовательных контактов говорил в своем выступлении в 1983 г. ректор Саратовского университета А. М. Богомолов (1932–1994) [12, л. 1–2].

Говоря о культурном взаимодействии, непременно нужно вспомнить о постановках в Саратовском театре оперы и балета опер словацкого композитора Эугена Сухоня (Eugen Suchoň; 1908–1993) «Святоплук» (1962) и «Крутнява» (1979). На премьеру первого из названных спектаклей приезжал сам автор [14, л. 6]. В 1982 г. великий режиссер, народный артист СССР и художественный руководитель Саратовского ТЮЗа Ю. П. Киселев (1914–1996) поставил на сцене Драматического театра города Комарно драму Р. Ибрагимбекова «Дом на песке» [25, с. 242].

Культурные и интеллектуальные контакты с британцами оказалось выявить сложнее, поскольку они были спорадическими, кратковременными и сильно ограниченными идеологическими барьерами. Тем не менее они были, причем зачастую находили отголоски в неофициальном русле. Внимание на этот факт обратил американский историк Дональд Рейли в своем исследовании о поколении советских «бэйби-бумеров». Опрошенные им ученики специализированной саратовской школы № 42 с углубленным изучением английского языка вспоминали, хотя и смутно, о побратимстве родного города с Бристолем. Они упоминали учителей, в том числе завуча Н. А. Бобровникову, которые посещали Великобританию. Среди обрывочных воспоминаний возникала даже привезенная одной из учительниц ручка с надписью «Привет Саратову от Бристоля» [26, с. 141]. В рассказах бывших школьников встречался факт о приезде в Саратов нескольких делегаций учителей русского языка для обмена опытом. В воспоминаниях А. Г. Вительса, еще одного воспитанника 42-й школы, правда уже 1970-х гг., находим интересную ремарку, хронологически относящуюся к началу 1970-х гг.: «Кстати, когда детьми разбирали библиотеку в своей английской школе (№ 42), нашли подшивки английских провинциальных газет 50-х и даже 60-х годов. Возможно, бристольских – по молодости не запомнилось. Эдакая дырка в цензуре! В киосках в то время можно было найти только коммунистическую «Morning star», и то крайне нерегулярно» [19]. О проведенных в Бристоле выставках, посвященных культурной жизни Саратова, уже было сказано.

С начала 1960-х гг. по мере развития советско-британских научных и образовательных контактов в них втягиваются не только

Москва, Ленинград и столицы союзных республик, но и крупные университетские и научно-исследовательские центры, например, Новосибирск, Харьков, Воронеж, Ярославль. Обратим в связи с этим внимание на один примечательный факт, который несомненно нужно внести в общую копилку истории международных связей советской науки. В 1960 г. в Великобританию с лекциями был приглашен выдающийся математик, профессор Саратовского университета В. В. Вагнер (1908–1981) [16, л. 1–6]. Выезд советского ученого за границу для чтения лекций был событием более чем примечательным, а тем более для ученого, не работавшего в структуре АН СССР. В. В. Вагнер имел исключительную научную репутацию, его исследования в различных областях общей алгебры и дифференциальной геометрии уже тогда были хорошо известны за рубежом [42, p. 258–268; 43, p. 189–200]. К тому же он был полиглотом, свободно говорил на нескольких европейских языках, считался большим знатоком литературы и искусства. В. В. Вагнер был также вовлечен в научные контакты с Чехословакией. Он был в числе главнейших участников первой международной конференции по полугруппам (в общей алгебре – множества с заданной на нем ассоциативной бинарной операцией), которая состоялась 18–22 июня 1968 г. в словацком городе Смоленице, в 60 км от Братиславы [15, л. 1]. Встреча имела широчайший интеллектуальный резонанс и стала, по словам британского историка математики Кристофера Холлингса, своего рода «плавильным котлом для международного обмена полугрупповыми теоретическими идеями» [42, p. 329–330]. Примечательный факт в биографии В. В. Вагнера – его мама, Юлия Францевна, урожденная Вондрачкова (1886–1967), была этнической чешкой, и у него были родственники в этой славянской стране, с которыми он поддерживал контакты. И хотя поездка В. В. Вагнера в Великобританию являет собой яркий и уникальный случай для Саратова того времени, она все же была не единственным свидетельством англо-советского научного взаимодействия. Так, в 1963 г. в переводе на английский язык в Оксфорде был издан учебник В. Н. Шевчика «Основы электроники сверхвысоких частот» [44].

Примеры из истории интеллектуальных контактов ставят вопрос о каналах связей, возникавших между участниками побратимского

диалога как на коллективном, так и не индивидуальном уровне. Нет нужды говорить, что контакты советских людей с иностранцами регламентировались и контролировались, хотя, разумеется, иногда возникали всплески коммуникативной свободы, как было в Москве в 1957 г. во время Международного фестиваля молодежи и студентов. Было бы глубокой ошибкой видеть в контактах городов-побратимов суровый официоз. Хотя связи были обставлены бюрократическими регламентациями, причем со стороны не только советских участников, они неизбежно выходили за пределы четко очерченных границ. Д. Рейли привел в своей книге рассказ К. Э. Старшовой, в 1950-х гг. – молодой учительницы 42-й школы. Во время приезда одной из британских делегаций местные власти решили, что ее отец, преданный коммунист и передовик производства, примерт у себя зарубежных гостей и устроит в их честь чаепитие. Помимо запомнившегося К. Э. Старшовой смятения от того, чем же угощать иностранцев, ей живо запомнился эпизод памятной встречи. Когда она в присутствии гостей стала хвалить достоинства англоязычной коммунистической газеты «The Daily Worker», то одна из британок раскритиковала издание «за недостаточную объективность» [26, с. 142]. У молодой учительницы это вызывало большое удивление и впервые заставило задуматься о формах и границах политической пропаганды.

К сожалению, пока не удалось установить примеров продолжительных и прочных личных контактов саратовцев с кем-то из британцев, в отличие от чехов и словаков. Совершенно ничего неизвестно о столь популярной в ту пору, особенно среди школьников, дружбе по переписке с британцами. В то же время свидетельств о подобных контактах с Чехословакией имеется в избытке. Думается, что свое влияние тут оказывала не только идеология и политика, техническая сложность коммуникаций, но также языковой барьер. В отличие от англичан, чехи и словаки изучали русский язык как обязательный школьный предмет, и многие владели им на довольно высоком уровне. Людей с хорошим знанием английского языка в СССР было немного, круг их ограничивался как правило выпускниками спецшкол и некоторыми научными работниками.

Как официальные, так и личные коммуникации естественным образом порождали формирование взаимных образов, особенно применительно к 1950-м гг., когда обменные поездки и визиты делегаций в процессе побратимского диалога только начинали развиваться. Приезд англичан в Саратов летом 1956 г. немало восхитил местных жителей и запомнился в деталях. Один из очевидцев тех событий, которого в числе лучших представителей учащейся молодежи привлекли к встрече почетных гостей в аэропорту, рассказывал в письме к автору этой статьи, как его поразила блестевшая на солнце золотая церемониальная цепь лорда-мэра Бристоля [20]. К сожалению, изучение вопроса о формировании взаимных образов затруднено скудностью известных на сегодняшний день источников. Например, до сих пор не удалось обнаружить откликов членов саратовской делегации о поездке в Бристоль в марте 1960 г.: ни отчетов, ни воспоминаний, ни упоминаний в переписке. Единственными следами визита остаются фотографии, сделанные английским корреспондентом. Недавно они были оцифрованы и выложены на сайте Бристольского архива[2]. Сухие отчеты о поездках саратовцев в Чехословакию, сохранившиеся в архивах, далеко не всегда доносят истинную живую картину, скрывая ее или вообще искажая под грудой идеологических штампов. И в самом деле, трудно, например, поверить словам учительницы русского языка, работавшей в июле 1978 г. в Словакии на языковых курсах, что встреченные ей словацкие школьники знали и читали «Малую землю» и «Возрождение» Л. И. Брежнева [9, л. 42]. Разумеется, далеко не всегда можно и нужно винить авторов подобных документов в использовании сухих канцеляризмов и идеологических штампов. В конце концов, авторы отчетов зачастую отражали в них то, что хотели от них слышать. Фрондировать позволяли себе немногие. Тем острее потребность в собирании информации с использованием методов устной истории, благо еще есть участники и свидетели побратимских связей Саратова. Не менее интересно и полезно проанализировать позицию иностранных участников побратимского диалога.

---

[2] Познакомиться с ними можно, зайдя на сайт архива (https://archives.bristol.gov.uk/) и введя в поисковой строке «Saratov».

В Бристоле и Лондоне удалось выявить несколько примечательных отчетных документов, отражающих взгляды британцев на Саратов 1950-х гг. Они созданы по следам визита делегации во главе с лордом-мэром 23 июля – 4 августа 1956 г. Хотя эти документы являются порождением бюрократии, а не частной инициативы, что отразилось в их конструкции и содержательном ключе, они зафиксировали с большой основательностью и проницательностью многие стороны городской жизни. Автором одного из таких отчетов была Дафна Парк (Daphne Park; 1921–2010), второй секретарь британского посольства в Москве, которая летом 1956 г. сопровождала бристольскую делегацию в Саратове и выступала в качестве одного из переводчиков. Прекрасное знание русского языка и советских реалий были неслучайными, поскольку Дафна Парк была не только дипломатом, но и резидентом британской разведки [41]. Это обстоятельство отложило отпечаток на ее отчет, детальный и точный, без сантиментов, но при этом лишенный откровенной враждебности и снобизма. Русские для нее не враги, а вполне достойные и уважаемые конкуренты, у которых есть и чему поучиться. В этом же отчете содержатся подробные портретные зарисовки саратовских руководителей. Вот, например, описание главы города: «Константин Федорович БОБЫЛЕВ, председатель Горисполкома, член Облисполкома, член партии, инженер по профессии, 48 лет. Высокий, статный, со стальной сединой, мужественным лицом и довольно неулыбчивыми карими глазами. Он только что был переизбран Председателем в третий раз и, похоже, искренне нравится своим коллегам, и они уважают его. Хотя большую часть визита он выглядел обеспокоенным, он организовывал его энергично, часто прерывая утомительные вступительные речи, столь любимые российскими официальными лицами, и побуждал их показывать делегатам что-либо вместо разговоров. Он лично следил за тем, чтобы многие пожелания, сделанные в последнюю минуту (например, просьба леди-мэрии присутствовать на заседании суда), были выполнены, и давал более прямые ответы на вопросы, чем обычно. Его манера обращения с молодежью особенно хороша, и он казался искренним, деятельным и полным энергии человеком; было заметно, что СЫЧЕВ не пытался диктовать ему на публике (как он довольно бестактно делал это в

отношении некоторых других). Прежде чем стать председателем Горисполкома, он был главным инженером на заводе (название неизвестно, однако, он [Бобылев] проявил особенный интерес к сельскохозяйственной технике, замеченной на дороге). Во время войны он работал на ответственном посту на фабрике в Саратове, где «часто не снимал униформу неделями подряд», и он болезненно относится к тому, что не был на фронте. Его жена, Лидия Алексеевна ЛУКИНА-БОБЫЛЕВА, статная женщина с золотыми зубами, тоже когда-то работала на фабрике. Сейчас она преподает в техническом институте, вместе с тем уделяя больше времени своему 16-летнему сыну. БОБЫЛЕВ также отвечает за сельское хозяйство в городе и, таким образом, связан с Сельскохозяйственным институтом. Его любимый отдых – охота на уток» [48]. Не лишены эти зарисовки юмора, как в случае начальника отдела торговли В. В. Бондарева, похожего, по словам мисс Парк, на «взлохмаченного боксера полусреднего веса с плохими зубами и широкой тигриной улыбкой». Он «участвовал в соревнованиях по выпивке с олдерменом Брауном, в которых проиграл, но продолжал улыбаться» [48].

Иной характер носит отчет мистера Александра Пикарда (Alexander Pickard), городского секретаря Бристоля (The Town Clerk), в котором совсем нет места описанию представителей местной партийной элиты или размышлений о секретных предприятиях, зато дана развернутая картина городской жизни Саратова. Британский чиновник скрупулезно, по дням, в форме коллективного дневника, расписал пребывание делегации в городе на Волге. Поражает авторское стремление к беспристрастной и точной передаче всего, что он видел своими глазами, и, главное, теплое и искреннее отношение к саратовцам и жителям СССР в целом. В конце своего отчета, делая конкретные предложения по дальнейшему советско-британскому сотрудничеству, он писал: «Все, что мы можем сделать, дабы наладить общение, взаимный интерес и дружбу, с большей вероятностью поможет избежать недопонимания и трудностей, нежели создать их. Если обмен визитами, подобный нашему, сможет только показать русским, как народы с диаметрально противоположными взглядами могут спорить и при этом жить в дружбе, это будет шаг в правильном направлении и, следовательно, он полностью оправдан» [48].

Некоторые стороны повседневной жизни вызвали у А. Пикарда критику, порой вполне обоснованную и справедливую, как, например, невысокий уровень развития стоматологии. Другие же повергали в полное недоумение. Речь в данном случае идет об ужасном качестве дорог и отсутствии градопланировочной логики. Решение последних двух проблем, как хорошо известного всякому жившему или бывавшему в Саратове, даже спустя более полувека почти не продвинулось вперед. Вместе с тем А. Пикард и другие члены делегации были приятно удивлены и даже поражены саратовской интеллектуальной средой. Отчет доносит восторженные впечатления от Саратовского университета, Радищевского музея, Театра оперы и балета, консерватории. Поскольку визит состоялся в летний период, когда саратовские театры были на гастролях, специально для британских гостей был устроен гала-концерт балетной труппы. А. Пикард написал по этом поводу: «Хотя нам сказали, что этот конкретный спектакль не соответствует московским стандартам, мы все чувствовали, что он лучше, чем большинство балетов, которые мы видели, и соответствовал самым лучшим стандартам Англии» [48]. А вот его же впечатления от концерта в консерватории: «Саратов имеет полный [симфонический] оркестр, балетную и оперную труппу. Уровень игры соответствовал уровню оркестра BBC, хор пел очень качественно, а двое солистов были настолько хороши, что привели нас в восторг. На наш взгляд, они были не хуже тех, что мы слышали в Англии, где-либо кроме Ковент-Гарден. В антракте мы сказали одной из солисток, что думаем о ее пении и технике. Она была неподдельно скромна во всем и не осознавала, какое впечатление она произведет, если когда-нибудь получит возможность петь за пределами своей страны» [48]. Любопытен и еще один факт – англичанам разрешили привезти с собой кинокамеру и снять цветную хронику о визите. Известно как минимум два экземпляра этого документального фильма в британских архивах [35; 38]. Не исключено, что это вообще одна из первых цветных кинохроник Саратова. Ее детальное изучение, вне всякого сомнения, способно стать особенным и интригующим сюжетом.

Политические процессы предопределяли и определяли практики побратимских взаимодействий. К концу 1960-х гг. затухает сотрудничество с Бристолем. Д. Рейли связывал это со статусом Саратова как закрытого города. Однако такую версию можно принять лишь отчасти. Во всяком случае пока не удалось обнаружить ни одного конкретного документального свидетельства с предписанием прервать контакты с англичанами, равно как в британских архивах не выявлено материалов о прекращении контактов, словно они сошли на нет сами по себе, исчерпав потенциал сотрудничества, обоюдно разрешенный и допустимый в условиях Холодной войны. К концу 1960-х гг. из архивных документов и периодической печати исчезает упоминание о связях Саратова и Бристоля. Последнее на сегодняшний день известное свидетельство – датируемое 28 декабря 1967 г. поздравление с Новым годом лорду-мэру от имени председателя саратовского горисполкома В. И. Качанова и председателя Общества дружбы с Бристолем, ректора Политехнического института А. И. Андрющенко [36]. При этом нельзя пройти мимо примечательного факта, который отражен в воспоминаниях С. Семенова. Он был хорошо знаком с К. Ф. Бобылевым, нередко бывал у него дома в гостях. В разговорах они части вспоминали о приезде британской делегации в Саратов летом 1956 г., рассматривали фотографии, которые бывший городской глава бережно сохранял: «При этом он с сожалением говорил: «А, наверное, зря мои последователи в руководстве городом не стали развивать дальше это хорошее и полезное начинается…»» [28]. Отблеск золотой цепи лорда-мэра в глазах советского паренька, подшивка английских газет в школьной библиотеке, да яркая клумба на спуске к Волге остались обрывочными символами недолгого, но все же взаимоинтересного сотрудничества.

Взаимодействие с Братиславой и Чехословакией в целом оказалось более основательным и ощутимым. Свидетельством тому являются и книжные фонды университетской библиотеки в Саратове, и обмен опытом в различных сферах промышленности, науки и культуры, и теплые воспоминания о поездках, и изучение чешских и словацких сюжетов саратовскими учеными. Побратимские связи с Братиславой продолжалось до конца 1980-х гг., когда вихри перемен

закружили СССР и Чехословакию. Показательны в этой связи материалы Саратовского Обкома КПСС времен Перестройки: записки, инструкции, информации, в которых зафиксирована острая потребность развития отношений с чехословацкими партнерами на основе «нового политического мышления» и «общечеловеческих ценностей». Секретарь саратовского обкома КПСС Ю. Д. Баранов, выступая в апреле 1989 г. в Братиславе на семинаре по вопросам идеологической работы партийных организаций в условиях перестройки, демократии и гласности, говорил: «Нас объединяет не только общность целей и идеологий, но и единство задач в процессе революционного обновления общества <…> При всех различиях, которые существуют между нашими странами, при всей специфике условий и проблем, думаю, не ошибусь, если скажу, что в той или иной степени, в тех или иных формах, с разной мерой понимания неотложности мы пришли к выводу: социализм объективно вступает в процесс обновления, он нуждается в нем» [10, л. 13]. В ноябре – декабре 1989 г. в Чехословакии произойдет Бархатная революция. В том же 1989 г. самораспустится Саратовское отделение Всесоюзного общества советско-чехословацкой дружбы. Вместе с этим прекратятся обмены делегациями, комплектование университетской библиотеки книгами и журналами на чешском и словацком языках, постепенно будет свертываться преподавание славистических дисциплин в университете. Начнется новая эпоха, в которой Братислава превратится в столицу независимого государства. Перед Саратовом в 1990-х гг. откроются новые, невиданные и немыслимые прежде возможности международного сотрудничества, но уже в начале XXI в. волжский город начнет терять свой прежний авторитет и репутацию научного, культурного и индустриального центра.

Можно ли говорить об успешности побратимских связей Саратова в эпоху Холодной войны? Сделать однозначный ответ крайне непросто, и зависеть он будет от того, что считать критерием успеха. И все же нет сомнений в том, что связи эти не прошли мимоходом, что они оставили свой след, прежде всего интеллектуальный. Несмотря на многочисленные ограничения и регламентации, они оказались способны хотя бы немного приподнять тяжелый Железный занавес.

Список использованных источников и литературы

1. *Алыев Г. А. О.* Научно-технические и культурные связи Сумгайыта с городами-побратимами (70–80-е годы XX века) // Самарский научный вестник. 2013. № 2 (3). С. 68–70.
2. *Бекленищева М. В.* Забытые города-побратимы: межмуниципальные связи Свердловска в 1955–1966 гг. // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 36–50.
3. *Белов Д. Б., Болотов Н. А.* Солидарность английской общественности с жителями Сталинграда, 1941–1945 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (96). С. 162–167.
4. *Вавулинская Л. И.* Контакты Петрозаводска и Варкауса в рамках международного движения городов-побратимов (1960–1980-е гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2008. № 9. С. 298–309.
5. *Галямичев А. Н.* Артур Иванович Озолин (Страницы биографии историка-слависта) // Славянский сборник. Саратов: Изд-во СГУ, 2003. Вып. 6. С. 146–159
6. *Галямичев А. Н.* Саратовский университет на жизненном и творческом пути И. Р. Фишер // Восток – Запад. 2009. № 2. С. 153–160.
7. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 6. Д. 139.
8. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 18. Д. 91.
9. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 20. Д. 130.
10. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 47. Д. 97.
11. ГАНИСО. Ф. 6261. Оп. 2. Д. 2.
12. ГАНИСО. Ф. 6261. Оп. 2. Д. 175.
13. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-3642. Оп. 1. Д. 36.
14. ГАСО. Ф. Р-3642. Оп. 1. Д. 47г.
15. ГАСО. Ф. Р-3724. Оп. 1. Д. 139.
16. ГАСО. Ф. Р-3724. Оп. 1. Д. 168.
17. *Иванова Ю. В.* Побратимы тульских городов: история и современность // Тульский краеведческий альманах. 2018. № 15. С. 104–114.
18. *Ковалева Е. А.* Сталинград-Волгоград в движении породненных городов во второй половине XX в. // Грани познания. 2015. № 3 (37). С. 52–56.
19. Комментарии, вт., 28/02/2012 – 23:38 // Фотографии старого Саратова. URL: https://oldsaratov.ru/comment/82530 (дата обращения: 23.10.2020)
20. Личный архив М. В. Ковалева.
21. *Максимов В. Б.* Международные контакты городов СССР как часть внешней политики правительства // Вестник Волгоградского государственного

университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 2 (22). С. 96–102.

22. *Максимов Е. К.* Имя твоей улицы. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1986. 80 с.

23. *Наумов С. Ю., Слонов Н. Н.* Системы бездефектного труда – российское открытие: к 50-летию саратовской системы бездефектного труда // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2005. № 9. С. 67–76.

24. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 794. Карт. 1. Д. 63.

25. *Прозоров В. В.* «Обычай мудрости храня…». М.: Новости, 2000. 256 с.

26. *Рейли Д.* Советские бэйби-бумеры: Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 544 с.

27. *Рокина Г. В.* Ирина Романовна Фишер (очерк жизни и творчества) // Восток – Запад. 2009. № 2. С. 133–153.

28. *Семенов С.* Человек, приоткрывший «железный занавес» над Саратовом // Официальный сайт Коммунистической партии Российской Федерации. URL: https://kprf.ru/news/analytics/history/42481.html (дата обращения: 23.10.2020).

29. *Скафтымов А. П.* «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского // Slavia. 1929. T. VIII. № 1. S. 101–117.

30. *Скафтымов А. П.* «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского // Slavia. 1929. T. VIII. № 2. S. 312–339.

31. *Солнце Е. Е.* История развития побратимских отношений Ялты с французским курортом Ниццей в 1959–1969 годах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2017. Т. 3 (69). № 4. С. 109–121.

32. Тамбов – Толна: области-побратимы. 1971–1989: документы и материалы / Сост. *А. Г. Айрапетов, Г. М. Дробжева, А. Шереш*. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2015. 352 с.

33. *Шанина О. Н.* Развитие Хельсинского процесса на местах: массовые выезды за границу и связи с городами-побратимами (на примере г. Ярославля) // Управление в современных системах. 2018. № 4 (20). С. 37–44.

34. Bristol Archives. 35510/BCC/3/1/1.

35. Bristol Archives. 35517/42.

36. Bristol Archives. 40600/F/1.

37. Bristol Archives. 40826/CER/16/40–45.

38. British Film Institute. BFI identifier 6827

39. *Chombard-Gaudin C.* Pour une histoire des villes et communes jumelées // Vingtième Siècle: Revue d'histoire. 1992. № 35. P. 60–66.

40. *Danks C. J.* Manchester and Leningrad: from Fraternal Allies to Partner Cities // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. История. 2016. № 4 (20). С. 223–236.

41. *Hayes P.* Queen of Spies: Daphne Park, Britain's Cold War Spy Master. L.: Duckworth Publishers, 2015. 328 p.

42. *Hollings C.* Mathematics across the Iron Curtain: A History of the Algebraic Theory of Semigroups. Providence, Rhode Island: American Mathematical Society, 2014. 442 p.

43. *Schein B. M.* Victor Vladimirovich Vagner (1908–1981) // Semigroup Forum. 1981. Vol. 23. P. 189–200.

44. *Shevchik V. N.* Fundamentals of microwave electronic. Oxford: Pergamon, 1963. 254 p.

45. *Skaftymov A. P.* O konfliktu her A. P. Čechova. Praha: Orbis, 1961. 111 s.

46. *Skaftymov A. P.* Myšlenka a tvar. Praha: Lidové nakladatelství, 1976. 381 s.

47. *Smith M. B.* Peaceful coexistence at all costs: Cold War exchanges between Britain and Soviet Union in 1956 // Cold War History. 2012. Vol. 12. № 3. P. 537–558.

48. The National Archives, Kew. FO 371/122842.

49. The National Archives, Kew. FO 371/129028.

50. The National Archives, Kew. FO 371/143444.